



НЕОБЪЯТНАЯ ДАЛЬ

Елена Шабанова

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Донская степь то плачет, то поет.
Поникшие головки зверобоя
Качают ветры эры кайнозоя
Средь сонных трав ночами напролет.

Под шелест флейт, связующих миры,
Нежнее взгляд и рук прикосновенья,
Сильней в сто крат земное притяженье,
А над рекой обрывистой яры.

Когда падет туманов пелена,
Мне воздуха не хватит, чтобы вспомнить,
Что в осени просторы монохромны,
Что зелень глаз съедает рыжина.

ХОХЛОМА

Ноябрьский снег прилип
к горбатым крышам.
Пенять на деревенский неустрой
не стоило... Травую темно-рыжей,
смеющейся кленовою листвою
отгорожусь. Опять теряю речь я.
Зачем слова, меняющие смысл?
В моих глазах вся глупость человечья
застыла в ожидании зимы.



*Авторские
подборки
стихотворений*

Опять учусь безмолвию у ветра,
у девочки чернобыльской из снов.
К отметке нулевого километра
по кромке равнодушных облаков
я не стремлюсь. Мы вместе были — были
в кайме нижегородской хохломы
искрой рябинной, золотистой пылью
и птицей, не дожившей до зимы.

МАМКИНО ПЛАТЬЕ

Из старенького платяца в горошек
Смешного человечка сошью
И усажу дружочка между кошек
На маленькую детскую скамью.
Лишь кукла ватная хозяйку понимает:
«Все хорошо...» — головкою кивает.

Скрипит надрывно позвоночек шейный —
Зрит человечек маленький за мной.
На ужин приглашу его семейный.
На пятницу — ближайший выходной.
Тряпичной куколке уже почти три года.
Все хорошо. Прекрасная погода.

Все хорошо. Никто у нас не умер.
Торгуют вдоль дорог медовой дыней.
Прерывисто жужжит пчелиный зуммер.
Все хорошо. Вовеки и отныне.
Страх вымирания не равен страху смерти —
Род человеческий продолжают дети.

Но, иногда, мне кажется, что птицы
Разносят по полям сухой горох.
И всходят человеческие лица,
И слышится сквозь время мамин вздох:
«Что вашим деточкам достанется в итоге?
Любите же друг друга хоть немного...»

Осознаю, впустую время трачу,
Что падают слова в безумный мир.
Их все равно порвут, переиначат.
Во времена чумы снесут на пир.
А что стихи мои? Стихи не виноваты.
На вкус они немного горьковаты.

*Нижедевицкий
Дом пионеров и школьников*

Алексей Шевченко

* * *

Я создал мир — в нем маленькая школа,
и бабье лето, и звенит звонок.
Летает паутинка по приколу
над местом, где стоит спортгородок.

...Беги, мой друг, по парку на урок!

Пусть вызывают маму или папу
к директору — какие пустяки, —
ты всем прочтешь «Дай, Джим, на счастье лапу...»,
в волнение легком стоя у доски.

Да так, что та не сможет скрыть тоски.

Беги туда, где длится шум веселый,
пока его учитель не прервет.
За то и любишь, и не любишь школу,
что в ней бывает все наоборот.

Ты в сентябре встречаешь новый год.

Я создал мир и сам его разрушил:
класс опустел давно, крошился мел.
Звенит звонок, но с каждым мигом глуше —
ты ничего запомнить не успел.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Объяснительная

Я доложу вам лишь одно:
я вел урок — вторая смена, —
прошла спокойно перемена,
и было за окном темно.

Я объяснял пример для всех,
как он решаться должен, но
тут кто-то бросил взгляд в окно
и радостно воскликнул — снег!

Летели хлопья над дворами
и пропадали во дворах,
пример решался впопыхах,
и я не знал, что будет с нами.

Забыв как будто про урок,
на снег смотрели без затей —
и невнимательных детей
я упрекнуть ни в чем не мог.

КОННЫЙ ЛУЖОК

Мечтать и смотреть интересно,
как редкий январский снежок
летит на любимую местность
с названием «конный лужок».

Хребта мелового громада,
речушка под этим хребтом —
и большего просто не надо,
чтоб не сожалеть о другом.

По этой грунтовой дороге,
вдоль этих больших тополей
гулял я охотно и много —
все в памяти детской моей.

Снежок на ладони искрится,
а в сердце — и радость, и пыл.
Я с девушкой здесь проходил,
которая все еще снится.

РОССОШЬ

Поезд идет в направлении станции Россось.
С севера? С юга? Откуда? С какой стороны?
Я не отвечаю, а ты никогда и не спросишь.
Высчитай путь, если скорость и время даны.

Время проносится, скорость бывает различна,
путь — он, как правило, долог, и то не всегда.
Вот из Воронежа в Россось идет электричка,
с севера, с юга идут и идут поезда.

Значит, в окошке — хребта мелового полоска;
значит, вдоль речек — ракиты, в полях — чернозем;
значит, опять перед смертью красиво, неброско
тихое солнце закатится за окоем.

Я не отвечаю, а ты никогда и не спросишь.
Пусть вдалеке, словно в тире, стоят тополя.
Я не отвечаю... Сойдем перед станцией Россось —
в тихом поселке, где плещется память моя.

О бедном, бесценном, чудном и родном,
о тихом и скромном о месте одном
хотелось бы в красках, но все ж без прикрас,
составить в стихах живописный рассказ.

Здесь взгляду в картине предстанет простор,
где между холмами — монетки озер,
и, как поезда по железным путям,
посадки бегут по покатым полям.

Здесь дуб у дороги могучий стоит,
и хищная птица на дубе сидит,
и если узрит она (значит, судьба) —
за жертвой слетит в золотые хлеба.

Здесь я народился и вырос большой
и к людям любимым приклеен душой,
как мокрый листочек к другому листку,
что сорваны ветром на кратком веку.

И если на сор вдруг посмотришь в упор,
то впору воскликнуть как в книгах — все вздор! —
и, взгляд заводя за пустую деталь,
увидеть опять необъятную даль.

г. Росошь

Татьяна Шевченко

Скажи мне, Господи,
Как мужа ждать с войны
И днем вчерашним
Душу не тревожить?
Как друг без друга
Нам прожить одним,
ведь на двоих у нас
одна лишь кожа.
Стою под криками
железных грозных птиц,
Летящих прочь на запад,
все на запад.
Прикрыть глаза
недостает ресниц.
И не хватает слез,
чтоб всех оплакать.

Скажи мне, Господи,
как брата ждать с войны?
Смотри, он за руку
привел меня из детства.
И там, в снегу, на горке —
это мы.
А это варезки его,
Чтоб мне согреться.
Он стал большим.
Он в армии служил.
Продолжил путь отца.
Теперь вот — деда.
Так сделай, Господи,
чтоб он подольше жил,
Еще лет 50 после победы.

Скажи мне, Господи,
Как сына ждать с войны?
И как молиться,
чтоб остался жив он?
Я — мать,
и я молюсь за вас, сыны.
В билет военный
сердце положила.

Молю тебя, о Господи,
Спаси
для этой жизни
ныне всех живущих.
И пули, Господи,
все мимо пронеси
от сыновей,
на бой сейчас идущих.

Ты видишь, Господи,
Я сердце отдала.
Ты знаешь,
Я свою сорвала кожу.
Все это невысокая цена
За жизнь детей.
И пусть им бог поможет!

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

«Привет» сменился — «Мира вам, ребята».
«Пока» сменилось — «Будем завтра жить».
Не в память возвращаются солдаты —
Идут, как деды, Родине служить.
Мы поколение, выросшее в мире.
Не строили, привыкшие ломать.

Убийц детей не «замочив» в сортире,
Мы мира детям не сумели дать.
И вот она — не плата, а расплата:
Развал страны, грабеж, дележ, дележ...
Тимуровцы былых 80-х,
Взрастивших золотую молодежь,
Не понявших: под вывеской «свобода»
Таился беспринципный беспредел.
Он деньги все оттяпал у народа,
Но совесть отобрать он не сумел.
Заблудшие уже открыли очи.
Услышь их, явный и неявный враг!
Вдруг кто из них опять дойти захочет
К солдату с девочкой немецкой на руках?
О, не сочтите, это не угрозы.
Но не на ветер брошены слова:
«Да здравствуют крещенские морозы!
Готовьте воду.
Свечки.
И дрова».

* * *

Жизнь коротка, и бег ее стремителен.
И нам не усмирить его, пока
Спешим навстречу своему Учителю,
К которому приходят без звонка.
Чем оправдаться нам за опозданье?
Работа? Долг? Заботы? Седина?
Придумать можно разные названья,
А на поверку выйдет — пыль одна.
С какой сумою постучишься в двери?
Что за постой ты сможешь предложить?
Что до последних бед в Него не верил?
Что думал, можешь без Него прожить?
Какой же ты приют душе готовил?
Ей, сирой и убогой, может быть?
Спасибо, Господи, что на Земле позволил
Жить и страдать, работать и любить.
Я постараюсь жизнь прожить негромко,
Исполнить, что начертано, вдвойне,
Чтоб на земле оставшимся потомкам
Не стыдно было помнить обо мне.

*Покровская СОШ
Павловского района*